

Рис. 2. Кераміка марьяновського, малобудківського і бондарихинського типів із нижнього горизонту Субботівського городища

УДК 903.4 (477.5) «638.5»

О хронологии позднезарубинецких – раннекиевских памятников в области днепро-донецкого водораздела

Любичев М. В.

Любичев М. В. Про хронологію пізньозарубинецьких – ранньокіївських пам'яток у області дніпро-донецького вододілу. Датування означених культурних угруповань пам'яток серединою I – серединою III ст. (ступені B1-C1a) викликає сумнів. На підставі датуючих речей з комплексів поселень можливо стверджувати, що пізньозарубинецькі пам'ятки у регіоні відносяться до середини II – початку III ст. (ступені B2/C1, частково C1a). Ранньокіївські пам'ятки належать до останньої чверті II – середини III ст. (ступені B2/C1, C1a) і не створюють чітко відокремленої культурної та хронологічної групи.
Ключові слова: пізньозарубинецький горизонт, ранньокіївські пам'ятки, римський час.

Любичев М. В. О хронологии позднезарубинецких – раннекиевских памятников в области днепро-донецкого водораздела. Датировка указанных групп памятников серединой I – серединой III вв. (ступени B1-C1a) вызывает сомнение. На основании датированных вещей из комплексов поселений можно утверждать, что позднезарубинецкие памятники в регионе относятся к середине II – началу III вв. (ступени B2/C1, частично C1a). Раннекиевские памятники относятся к последней четверти II – середине III вв. (ступени B2/C1, C1a) и не образуют четко выделенной культурной и хронологической группы.
Ключевые слова: позднезарубинецкий горизонт, раннекиевские памятники, римское время.

Lubichev M. V. About chronology of Late Zarubinec – Early Kiev monuments in the field of a Dnepr-Donets watershed. Dating of the specified groups of monuments by the middle of the I – the middle of the III centuries (stage B1-C1a) gives rise to doubt. For the reason of dating things from complexes of settlements it is possible to assert that Late Zarubinec culture monuments in region concern the middle of the II – the beginning of the III centuries (step B2/C1, partially C1a). Early Kiev culture monuments concern last quarter of the II – the middle of the III centuries (step B2/C1, C1a) and don't form accurately dedicated cultural and chronological group.

Key words: Late Zarubinec horizon, Early Kiev monuments, the Roman period.

В сводных работах, касающихся археологических памятников римского времени – начала эпохи Великого переселения народов Среднего Поднепровья – Днепро-Донецкого Левобережья, позднезарубинецкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 и раннекиевские типа Шишино 5 – Шмырево в восточной части указанного региона, а именно в области днепро-донецкого водораздела, датированы соответственно серединой/третьей четвертью I – концом II вв. и рубежом II/III – серединой III вв. [21, с. 71-74, 82; 18, с. 7-14, 17-18, 25; 19, с. 2-13, 15, 17, 20; 25, с. 28-30, 44]. За их нижний хронологический рубеж принимается распад латенизированной зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье, а за верхний – появление в регионе фибул Гороховский А, Альмгрен VII, светлоглиняных узкогорлых амфор Шелов D.

При публикации и анализе материалов эталонного памятника – селища Картамышево 2 В. М. Горюнова выразила сомнение в столь широкой датировке позднезарубинецких («постзарубинецких») древностей в регионе и ограничила период их бытования второй половиной или последней четвертью II в. [10, с. 49]. Тем самым вопрос хронологии этих древностей стал дискуссионным [11] и требующим дальнейшей разработки, оценки хронологических возможностей отдельных памятников, чему и посвящена настоящая публикация.

Построение хронологии указанных культурных групп имеет свои весьма существенные особенности, а именно: 1) позднезарубинецкие памятники представлены исключительно поселениями [21, с. 11, 13]; 2) несколько раннекиевских могильников состоят из незначительного количества погребений – кремаций, в которых фактически отсутствуют датированные находки, что не позволяет считать их полноценными закрытыми комплексами; 3) датированный материал позднезарубинецких/раннекиевских поселений отличается редкостью находок фибул, античного импорта и при этом отсутствует уверенность в том, что эти немногочисленные вещи обозначают весь период существования каждого конкретного памятника [21, с. 13]. Следовательно, каждый памятник и культурные группы возможно лишь соотносить с хронологическим этапом в целом [21, с. 13].

Немногочисленный датированный материал на позднезарубинецких/раннекиевских памятниках подразделяется на две группы: 1) украшения круга «выемчатых эмалей», основной период распространения которых на территории восточноевропейской лесостепи приходится именно на позднезарубинецкий горизонт и ранний этап киевской культуры [23, с. 122] (рис. 1: 1-3; 2: 1, 2, 6, 7, 9); 2) вещи «общеευропейских» форм, распространенные в Центральной и Восточной Европе: гривны, пряжки, фибулы, бусы, подвески (рис. 2: 5). К группе украшений «выемчатых эмалей» относятся: сильнопрофилированные фибулы (тип 1), перекладчатые фибулы

(тип 2), треугольные фибулы с эмалью (тип 3) (рис. 1: 1, 2); треугольные фибулы без эмали или с эмалью, но с некоторыми упрощениями элементов (тип 4), подковообразные фибулы (тип 5); лунницы; браслеты с треугольными выступающими ребрами без эмали и с эмалью (рис. 1: 3), трапециевидные подвески (рис. 2: 3, 4, 8), различные лунницы (рис. 2: 2, 6, 7, 9) [23, с. 114-120].

Выделены три стадии развития восточноевропейских украшений с выемчатыми эмальями, которые приблизительно соотнесены с абсолютными датами: 1) Вещи без отростков и прорезных полей с небольшими по размерам вставками эмали – красного цвета (втор. пол. II в.); 2) Крупные изделия с эмалью различных цветов, отростками, дополнительными полями, прорезной орнаментацией, кольцами (конец II – середина/вторая половина III вв.); 3) Украшения с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок с отсутствием стилистического единства (с середины III в.) [23, с. 122-123; 7; 8]. Из некоторых условно-закрытых комплексов происходят украшения, относящиеся к различным стадиям развития. Например, из жилища 4 поселения Гочево 1 известны лунницы ранней и средней стадий развития стиля [23, с. 123]. Специалистами признано, что основной период распространения украшения этого круга на территории восточноевропейской лесостепи приходится на позднезарубинецкий горизонт и ранний этап киевской культуры [23, с. 122]. Рассмотрим хронологию позднезарубинецких-раннекиевских памятников по трем группам: позднезарубинецкие типа Картамышево 2 – Терновка 2 и типа Грини, раннекиевские типа Шишино 5 – Шмырево.

Памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2. Из культурного слоя *Картамышево 2* происходит фрагмент крупной стеклянной бирюзовой бусины с накладным глазком [2, рис. 5: 12], близкой к тем, которые датированы от эллинистического времени до I в. и даже II в. [2, с. 51-73, 54, 56]. Там же обнаружена плитчатая бусина из глухого красного стекла [10, рис. 5: 15]. В постройке 7 найдена бочонковидная бусина глухого стекла охристо-желтого цвета [10, рис. 5: 11], близкая к типу 57 с широкой датой I–IV вв. и узкой датой I–III вв. [2, с. 67, табл. 33: 15]. Из заполнения жилища 7 происходит бронзовая глазчатая фибула прусской серии Альмгрен 61 или типа BIV по Р. Ямке (рис. 2: 5), несущая следы длительного использования. Такие фибулы датированы по материалам Центральной Европы рубежом I–II – последней четвертью II вв. [10, с. 48]. Из жилища 8 и культурного слоя происходят целая и фрагментированная трапециевидные подвески круга «выемчатых эмалей», украшенные композициями их двойных концентрических окружностей (рис. 2: 3, 4) [10, рис. 5: 7, 20]. В заполнении жилища 8 найдена плоская подвеска-лунница (рис. 2: 2) [10, рис. 5: 16]. В яме 24 найдена лунница с дуговидным корпусом и двумя круглыми гнездами-вставками с красной эмалью на дисковидных концах с тремя округлыми

выступами (рис. 2: 1) [10, рис. 5: 14]. Лунница представляет один из самых ранних типов украшений данного вида и относится к типу I-B1 [27, с. 111-115], а глазчатая фибула свидетельствует в пользу отнесения даты памятника к ступени B2a [22, с. 163].

Для датировки позднезарубинецкого горизонта поселения нельзя привлечь фрагмент двустольной ручки красноглиняной амфоры, который тяготеет к группе позднекифских находок, концентрирующихся в центральной, северной, северо-западной частях поселения. Хронологический разрыв между бытованием амфоры до середины I в. и появлением фибулы Альмгрен 61 с рубежа I-II вв. не позволяет включить ручку амфоры в состав датирующих вещей позднезарубинецкого горизонта Картамышево 2 [10, с. 49]. «Перекрытие» фибулы Альмгрен 61 и подвески-лунницы с эмалевыми вставками могло произойти во второй половине – последней четверти II в. Следовательно, поселение нельзя датировать ранее середины II в. [10, с. 49].

Из постройки 2 *Терновки 2* происходит обломок обоймы из листовой бронзы с циркульным пуансонным орнаментом [17, рис. 10: 27], из культурного слоя происходят четыре бусины: три из красного глухого стекла [17, рис. 10: 11-13], у четвертой слой красного глухого стекла наложен на основу из прозрачного стекла желтоватого оттенка [17, рис. 10: 15]. По своей форме две бусины близки к параллелепипеду [17, рис. 10: 11, 12], одна имеет цилиндрическую форму [17, рис. 10: 23], двухцветная бусина имеет округлую форму [17, рис. 10: 15]. Две красные пастовые бусины отнесены к типу Алексева 104. Пластинчатые бронзы со штампом в виде концентрических окружностей характерны для периода распространения украшений круга «выемчатых эмалей». В Мощинском кладе красные пастовые бусы в форме параллелепипеда составляют около половины изделий подобного типа [20] и датируются по Е. М. Алексеевой II-III вв. [3, с. 24]. Считается, что поселение вряд ли могло возникнуть намного раньше времени формирования комплекса украшений круга «выемчатых эмалей» и его вероятнее всего можно датировать второй половиной II в. [17, с. 23].

Из *Бобравы 3* («Сильник») происходят фрагменты пластинчатой и эмалевой лунницы, последняя отнесена к средней стадии развития этих украшений и поселение отнесено к первой половине III в. [11, с. 211]. Из *Осиповки* (урочище *Пляж*) известны 23 фрагмента определенных частей светло- и красноглиняных амфор. Фрагменты светлоглиняных амфор отнесены к типам В, С, Д. Согласно Д. Б. Шелову, тип В датируется второй третью I-II вв., тип С: II – началом III вв., тип Д II-III вв. (преимущественно первой половиной III в.) [29, с. 18-19]. Венчики красноглиняных амфор принадлежат сосудам типа 4 по И. С. Каменецкому, а фрагменты ручек – типу 1. Амфоры таких типов бытовали в Танаисе в I-II вв. [14, табл. I: 26-28, IV: 1, 2, с. 140; 21, с. 73]. Датировка этих амфор позволяет назвать вторую половину II в., как

время существования данного поселения. С этого памятника, а также с поверхности поселения *Родной Край 1* происходят пластинчатые двурогие лунницы с узкими концами (рис. 2: 9). Подобные изделия не включены в состав набора с украшениями, декорированными эмалью [23, с. 119]. Печь из другого поселения возле Осиповки в урочище Лиман археомагнитным способом датирована II в. н.э. [21, с. 138-139].

В жилище 1 *Приоскольского 1* найдена удлиненная бусина призматической формы синего глухого стекла типа Алексева 125 [21, с. 135]. Подобные бусы были характерны для II-III вв. [3, с. 70, табл. 33: 36]. В сооружении 51 селища *Жерновец* обнаружен фрагмент литой лунницы с полями красной эмали и кольцом в ушке [18, с. 20, 22]. Ее можно отнести к первой стадии развития лунниц – с эмалевыми полями на концах, без отростков [23, с. 119] и соответственно к первой стадии развития вещей круга выемчатых эмалей, то есть приблизительно ко второй половине II в. [23, с. 123].

Из поселения *Головино 1* происходит фрагмент бронзовой гривны с окончанием в виде рельефной шишечки (или «грибовидным» окончанием). Данные изделия имеют многочисленные аналогии в Восточной Прибалтике и М. Михельбарташ по материалам Литвы датирует их ступенями B2/C1 и C1a [1, с. 268]. По своим типологическим признакам фибула круга «выемчатых эмалей» из Головино 1 наиболее близка к первой серии и особенно к прототипам – фибулам Альмгрен 84 [1, с. 268]. Поскольку фибула из Головино 1 стоит в самом начале типологического ряда серии 1, то ее датировку следует определять ближе к прототипу – около рубежа II-III вв. [1, с. 268]. Также на памятнике обнаружены конические свитые из стеклянного жгута навершия для булавок типа Кемптен, которые находятся в комплексах римского времени Западной Европе преимущественно I-II вв. Соотнесение датировок этих вещей заставляет относить поселение Головино 1 ко второй половине II – началу III вв. [1, с. 268].

На поверхности поселения *Колесники* найдены литая бронзовая лунница, обломок подобной лунницы, нижняя часть треугольной фибулы и фрагмент фибулы, которые относятся к заключительному этапу развития стиля варварских украшений с выемчатыми эмальями, то есть к периоду около середины III в. [13, с. 50, рис. 1: 2; 23, с. 136-137, рис. 145: 5, 148: 7, 149: 7, 10].

Памятники типа Грини.

На поселении *Вовки* с остатками глинобитного пола жилища 6 [9, рис. 13: 3] связывается верхняя часть сильнопрофилированной двучленной бронзовой фибулы с округлой спинкой, высоким гребнем и крючком для тетивы, высоким приемником и кнопкой на конце ножки Альмгрен 84 [30, Taf. IV: 84] или группы 10 подгруппы 2 Амброза [5, с. 36, 38-39, табл. 7, 13]. Подобные фибулы происходят восточнее Днепра с поверхности позднезарубинецких поселений *Ковалевка* [24;

15, с. 48], *Рудяки* [28, рис.1; 2: 22], *Пасечная* [28, рис. 1; 2: 21]. Они являлись провинциально-римскими изделиями в области Среднего Дуная и в этом плане могут рассматриваться как импорт, но одновременно являются и варварскими подражаниями, связанными с фибулами IV группы О. Альмгрена и дериватами сильнопрофилированных фибул [31, S. 103-104].

Опираясь на 10 закрытых комплексов на территории Польши, эти фибулы возможно отнести к фазе B2b, вероятно к концу этой фазы и к фазе C1a [31, S. 106-107]. Такие фибулы относят к ступеням B2/C1 или C1a, что в абсолютных датах обозначает вторую половину II – первую треть III вв., при этом подобные фибулы особенно характерны для второй половины II в. [21, с. 82; 8, с. 133-134; 28, с. 91].

Раннекиевские памятники. Большинство датирующих вещей поселения Гочево 1 сосредоточено в постройке 4. К кругу украшений «выемчатых эмалей» относятся: бронзовая пластинчатая трапезиевидная подвеска с шестью «глазками», двумя дужками и приклепанным ушком (Рис. 2: 8); две бронзовые литые парные лунницы с красной эмалью на концах соединенные витым кольцо (Рис. 2: 6), бронзовая литая лунница с десятью гнездами со следами красной эмали (Рис. 2: 7) [26, рис. 4: 1, 2, 5]. Идентичные лунницы находились в составе Мощинского клада и могут датироваться в пределах III в. [26, с. 57, 58]. Считается, что две эмалевые лунницы относятся к еще более незавитым формам, чем на поселении Картамышево 2 [10, с. 50].

Из постройки 4 происходят две бусины: 1) стеклянная темно-синяя с белыми глазками; 2) янтарная усеченно-коническая [26, с. 58, Рис. 4: 3, 4] типа 10 по Е. М. Алексеевой, датируемая I/II-III вв. [3, с. 24]. На полу постройки 2 найдены пластинчатые несомкнутые колечки с продольным ребром, относимые к кругу «выемчатых эмалей» [26, с. 59]. В культурном слое найдены железный трехлопастный наконечник стрелы и железная шпора с коническим шипом, утолщенными концами дужки [26, Рис. 10: 4, 6]. Следы заклепок для крепления ремней отсутствуют. Шпора представляет вариант (или дериват) «стуловидных», относящихся к ступени B2 [10, с. 50], распространенных до ступени B2/C1 [26, с. 59, 60].

Все датирующие находки из Гочево 1 входят в рамки второй половины II–III вв. [26, с. 60]. Считается, что весь набор датирующих вещей памятника по хронологии аналогичен Картамышево 2: группа эмалей не ранее B2/C1 и вещь предшествующего периода B2, который выклинивается к расцвету B2/C1 [10, с. 50].

В погребении 1 *могильника Шишино 5* обнаружены три бусины: 1) сердоликовая типа Алексеева 2а. Бусы такого типа зарождаются в предримское время, доживают до III в., но наиболее характерны для I–II вв., когда они встречаются повсеместно [18, рис. 4: 1; 4, с. 15]; 2) цилиндрическая белого глухого стекла Алексеева 55. Бусы такого

типа найдены в комплексах второй половины I–III [18, рис. 4: 2; 4, с. 67]; 3) округлая синяя с тремя глазками с белой обводкой типа Алексеева 33а. Подобные бусы употреблялись в предримское время и в I в., но встречаются позднее, во II в. [18, рис. 4: 3; 2, с. 56]. По бусам погребение 1 относят ко второй половине I–II вв. [1, с. 20].

В слое раскопа Б *поселения Шишино 5* найдена бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой, железным язычком и пластинчатой обоймой [18, с. 19-20, рис. 4: 4]. Она близка к пряжкам типа 3 (является подражанием), найденным на могильнике вельбаркской культуры Брест-Тришин, где они датированы второй половиной I–II вв., допуская возможность существования и в III в. [16, табл. 6: 1, с. 48]. Пряжка из Шишино 5 имеет не двухчастную (отдельные рамка и шпенек, на который крепится язычок), как пряжки группы F типа 8 из центральноевропейского Барбарикума [32, Taf. 12], а одночастную схему (единая рамка, на которой прикреплен язычок). Но по остальным характеристикам (прямоугольная рамка, прямой язычок, выгнутые концы рамки) она является подражанием пряжкам группы F типа 8 – так называемым Ktempenschnallen [32, Taf. 12, S. 43]. В Центральной Европе эти пряжки связаны с вельбаркской культурой (там они встречены в комплексах с фибулами Альмгрена 211), распространены в Северной Европе (в том числе на острове Готланд) и датируются ступенью C1, хотя первые экземпляры появляются на ступени B2 [32, S. 44-45]. Исходя из того, что пряжа из Шишино 5 является не копией типа 3, а подражанием ему, допускается возможность ее отнесения не к раннему этапу, а к финалу отрезка ее датирования [18, с. 20].

Две ажурные фибулы с гнездами эмали, массивный литой браслет из клада в слое поселения Шишино 5 относятся к средней стадии развития варварских украшений с эмалью, то есть приблизительно к концу II – середине/второй половине III вв. [23, с. 133-134, рис. 18: 1, 2; 13: 1-3] (Рис. 1: 1-3).

Из ямы 5 раскопа 1 происходит бронзовый браслет с едва расширенными концами [18, рис. 4: 5]. Подобные браслеты известны в комплексах раннеримского периода могильников юго-западного Крыма (Бельбек 2, Бельбек 3, Бельбек 4, Скалистое 3), где отнесены к I–II вв. [12, Рис. 3: 1, 8, 10; 4: 7, 24, 25; 7: 15; 17: 37; 6, рис. 2: 50; 5: 29; 8: 72; 9: 12, 29].

Найденная на поверхности поселения *Рябовка 1* с находящимися рядом следами кремации на поверхности подковообразная фибула, относится к последней фазе (фазе C) эволюционного ряда развития подковообразных фибул и может быть отнесена приблизительно к концу II – началу III вв. [23, с. 132, Рис. 146: 7]. Ромбикрестовидная подвеска, находившаяся над ямой погребения 3 могильника *Приоскольское 2* относится к заключительному этапу развития стиля варварских украшений (около середины III в.) [23, с. 131, рис. 38: 9].

Приведенный выше материал дает основание утверждать, что датирующие вещи из слоя и условно-закрытых комплексов поселений указывают на ступень В2/С1, как дату существования всех изученных раскопками памятников (Картамышево 2, Терновка 2, Бобрава 3, Осиповка, Приоскольское 1, Жерновец, Головино 1). Селища Бобрава 3, Приоскольское 1, Головино 1 могли существовать и позднее – на ступени С1а. Следовательно, период бытования позднезарубинецких памятников следует относить к ступеням В2/С1 с заходом в С1а, то есть в абсолютных датах приблизительно к середине II – началу III вв. Нет никаких оснований нижнюю дату этих памятников опускать ниже середины II в. В этом наши взгляды совпадают с выводами В. М. Горюновой [10, с. 49-50]. Вывод о существовании позднезарубинецких древностей типа Картамышево 2 – Терновка 2 с середины-третьей четверти I в. в днепро-донецкой лесостепи основан пока лишь на чисто гипотетическом заключении о подобии ситуации в нашем регионе той, что сложилась в области Среднего Поднепровья, где по фибульным датировкам на зарубинецких могильниках и позднезарубинецких поселениях время прекращения существования зарубинецких памятников и появления позднезарубинецких определено именно серединой – третьей четвертью I в.

По очень немногочисленным датирующим материалам раскопанные в самом мизерном количестве памятники типа Грини следует относить к ступеням В2/С1, С1а, то есть приблизительно к середине II – первой четверти/середине III в. Подобная датировка отличается от «традиционной», где памятники типа Грини связаны с концом I – началом III вв., а более узко – со второй половиной II в. [21, с. 82]. При этом исследователи опираются на материалы Среднего Поднепровья, где на поселении Грини 1 возле жилища 1 найден фрагмент краснолаковой чашечки и бусины с выступами – глазками типа Алексеева 64а, относящихся к I–II вв. [21, с. 82].

Раннекиевские памятники относятся к ступени В2/С1 и в отличие от позднезарубинецких «уверенно» заходят в ступень С1а. В абсолютных датах они могут быть отнесены к последней четверти II – первой четверти/середине III вв. Датировки позднезарубинецких памятников в регионе и раннекиевских перекрывают друг друга и последние не образуют четко выделенного хронологического этапа.

Примечания

1. *Абашина Н. С., Кухарская Е. Н., Обломский А. М.* Позднезарубинецкий горизонт поселения Головино I под Белгородом / Н. С. Абашина, Е. Н. Кухарская, А. Н. Обломский // *Stratum plus*. – 2001–2002. – № 4.
2. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // *САИ*. – 1975. – Вып. 1-12.

3. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // *САИ*. – 1978. – Вып. 1-12.
4. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // *САИ*. – 1982. – Вып. 1-12.
5. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР / А. К. Амброз // *САИ*. – 1966. – Вып. Д1-30.
6. *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое 3 в юго-западном Крыму / Н. А. Богданова, И. И. Гущина, И. И. Лобода // *СА*. – 1976. – № 2.
7. *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья / Е. Л. Гороховский // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. – К., 1982.
8. *Гороховський Є. Л.* Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю / Є. Л. Гороховський // *Археологія*. – 1982. – № 38.
9. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л., 1981.
10. *Горюнова В. М.* Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха) / В. М. Горюнова // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. – СПб., 2004.
11. *Горюнова В. М.* О дате позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 (по материалам поселения «Сильник»-Бобрава 3) / В. М. Горюнова // *Труды II (XVIII) АС*. – М., 2008. – Т. 2.
12. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму / И. И. Гущина // *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. – М., 1974. – С. 54-68.
13. *Дідик В. В., Любичев М. В.* Прикраси з виїмчастими емаллями у басейні Сіверського Дінця: нові знахідки / В. В. Дідик, М. В. Любичев // *АЛЛУ*. – 1998. – № 1-2.
14. *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса / И. С. Каменецкий // *МИА*. – 1969. – № 154.
15. *Кулатова И. М., Супруненко О. Б., Терпиловський Р. В.* Пізньозарубинецькі старожитності Полтавщини / І. М. Кулатова, О. Б. Супруненко, Р. В. Терпиловський. – Київ-Полтава, 2005.
16. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин / Ю. В. Кухаренко – М., 1980.
17. *Обломский А. М.* Позднезарубинецкое поселение Терновка 2 / А. М. Обломский // *МИАДЛ*. – Курск, 1990.
18. *Обломский А. М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э / А. М. Обломский. – Москва-Сумы, 1991.
19. *Обломский А. М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время / А. М. Обломский. – М., 2002.

20. *Обломский А. М., Гороховский Е. Л.* О дате Мошинского, Межигорского кладов / А. М. Обломский, Е. Л. Гороховский // Проблемы древней истории Верхнего Поочья. – Калуга, 1986.
21. *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. – М., 1991.
22. *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский // Kultura przeworska. – Lublin, 1994.
23. *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V вв. н.э.). – М., 2007.
24. *Сапегін С. В.* Фібула сарматської доби з Ковалівки / С. В. Сапегін // АЛЛУ. – 1998. – Ч. 1-2.
25. *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в перв. пол. I тыс. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Lublin, 2004.
26. *Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В.* Поселения Гочево 1 и 2 на р. Псел / Н. А. Тихомиров, Р. В. Терпиловский // МИАДЛ. – Курск, 1990.
27. *Фролов И. К.* Лунницы с выемчатой эмалью / И. К. Фролов // Из древнейшей истории балтских народов. – Рига, 1980.
28. *Циндровська Л. О.* Про деякі типи фібул перших століть нашої ери на Середньому Подніпров'ї / Л. О. Циндровська // Археологія. – 1982. – № 37.
29. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. / Д. Б. Шелов // КСИА. – 1978. – Вып. 156.
30. *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen / O. Almgren // Mannus – Bibliothek. – 1923. – Bd. 32.
31. *Dąbrowska T.* Die späten kräftig profilierten Fibeln (Almgren Typ 84) in Polen / T. Dąbrowska // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis Frühmittelalter. – Krakow, 1992.
32. *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / R. Madyda-Legutko // BAR. International Series. – 1986. – № 360.

Приложения

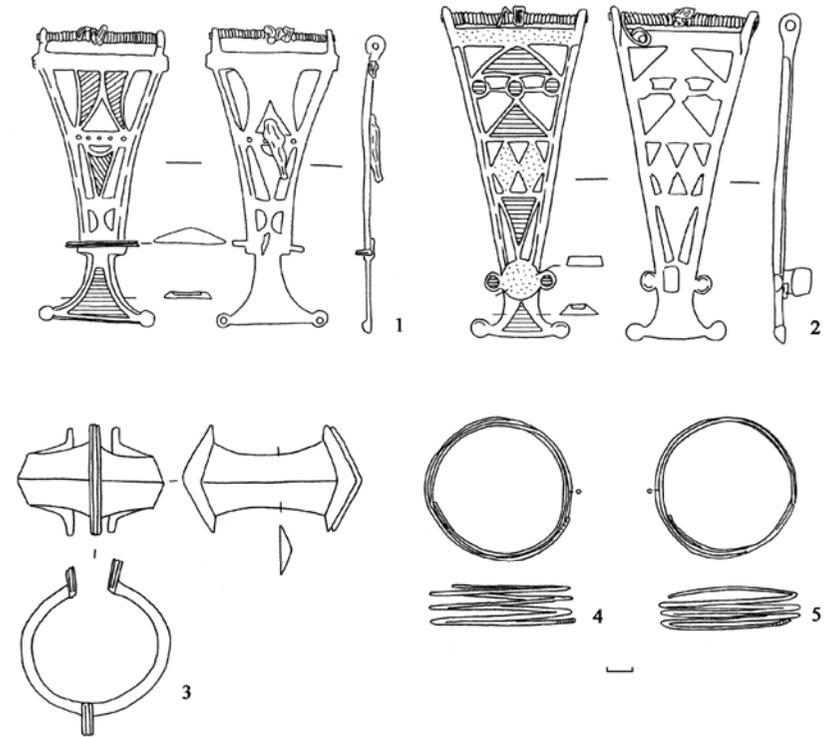

Рис. 1. Клад бронзовых вещей круга «выемчатых эмалей» из слоя раннекиевского поселения Шишино 5 (Обломский, Терпиловский, 2007, Рис. 18, 19).

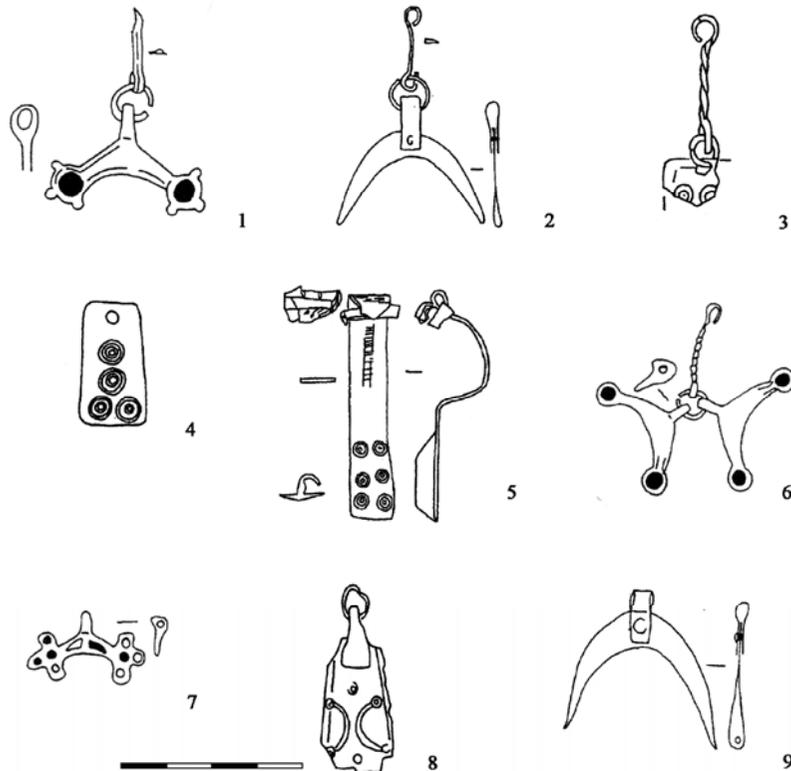

Рис. 2. Украшения круга «выемчатых эмалей», происходящие из раскопок: 1-5 – Картамышево 2 (1 – яма 24; 2, 4 – жил. 8; 3 – слой; 5 – яма 7); 6-8 – Гочево 1 (постройка 4); 9 – Осиповка (Пляж) (слой) (1-5 – Горюнова, 2004, Рис. 5: 1, 7, 14, 16, 20); 6-8 – Тихомиров, Терпиловский, 1990, Рис. 4: 1, 2, 3; 9 – Телгін, Беляєва, 1975, Рис. 2: 20).

УДК 39: [738+746.7] (477.54/.62)

Біографія ремесла: гончарство і лозоплетіння – історія та сьогодення (на матеріалах Етнографічної виставки)

Шпорт Г. М.

Шпорт Г. М. Біографія ремесла: гончарство і лозоплетіння – історія та сьогодення (на матеріалах Етнографічної виставки). Інтерес дослідників до вивчення «рукодільних ремесел» цілком обґрунтований. Гончарство та лозоплетіння можна з повною підставою зарахувати до затребуваних місцевих занять населення. Гончарні і лозяні вироби Слобожанщини слугують не тільки цінним джерелом з історії ремесла як такого, але й доповнюють, наочно ілюструють матеріал по сім'ї та побуту, є частиною вітчизняної етнографічної спадщини.

Ключові слова: ремесло, гончарство, лозоплетіння, традиція, новація, вітчизняна етнографічна спадщина.

Шпорт А. М. Біография ремесла: гончарство и лозоплетение – история и современность (на материалах Этнографической выставки). Интерес исследователей к изучению «рукодельных ремесел» вполне обоснован. Гончарство и лозоплетение можно с полным основанием причислить к востребованным местным занятиям населения. Гончарные и лозяные изделия Слобожанщины являются не только ценным источником по истории ремесла как такового, но и в значительной степени дополняют, наглядно иллюстрируют материал по семье и семейному быту, являются частью отечественного этнографического наследия.

Ключевые слова: ремесло, гончарство, лозоплетение, традиция, новация, отечественное этнографическое наследие.

Shport A. The craft Biography: pottery and lozopletenie – history and the present (on materials of the Ethnographic exhibition). Interest of researchers to studying of "amateur crafts" is quite proved. Pottery and lozopletenie can be ranked as demanded local employment of the population with good reason. The richest biographic data potter's and lozanykh products of Slobozhanshchiny is not only a valuable source on craft as to that, but also substantially supplements, visually illustrates a material on a family and a family life, and also brings up respect and interest at rising generation to a domestic ethnographic heritage.

Key words: craft, pottery, lozopletenie, tradition, an innovation, a domestic ethnographic heritage.